

С. А. КИБАЛЬНИК

О «РИТОРИКЕ» ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА

Сочинение Феофана Прокоповича «Десять книг об искусстве риторики» (*De arte rhetorica libri X*) представляет собой запись лекционного курса, прочитанного им по-латыни в 1706—1707 гг. в стенах Киево-Могилянской академии. Не так давно оно было впервые опубликовано на украинском языке, но без IX книги и только на основании одного списка,¹ затем последовало немецкое издание латинского оригинала «Риторики» Феофана.² Настоящая работа была написана до выхода в свет обоих этих изданий «Риторики», на основе изучения ее ленинградских списков.³

¹ *Феофан Прокопович. Про риторичне мистецтво. — Філософські твори. Переклад з латинської. Київ, 1979, т. I, с. 103—433. Текст «Риторики» опубликован по одному из четырех списков ЦНБ АН УССР шифр ДА/П.418.*

² *Feofan Procopovič. De arte rhetorica libri X. Kijoviae 1706/ Hrsg von Renate Lachmann — In: Slavistische Forschungen. Köln; Wien, 1982, Bd. 23 (II).*

³ ГПБ, собр. Новгородской духовной семинарии, № 6750; ЦГИА, ф. 834, оп. 3, № 3421. Первый список, ранее неизвестный, представляет собой рукопись в четверку (371 л.) и содержит «Поэтику» Феофана Прокоповича (л. 268—363) и его «Риторику» (л. 4—267) под заголовком «Десять книг об искусстве риторики, изложенные для обучения русского юношества, изучающего красноречие и для блага отечества и веры достопочтенным отцом Феофаном Прокоповичем в Клеве в знаменитой православной Могилянской академии в лето господне 1706» (*De arte rhetorica libri X pro informanda roxolana juventute eloquentiae studiosa bono religionis et patriae traditi a reverendo patre Theophane Procopowicz Kijoviae in Celebris et Orthodoxa Academia Mohylana Anno Domini 1706*). Список этот начала XVIII в.: филигрань «щит» схожа с № 334 — 1679 г. (См. в кн.: *Гераклитов А. А. Филигранны XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963, с. 95*). Заголовок «Риторики» является в этом списке частью миниатюры, которая представляет собой изображение Господа Бога в облаках, освещающего своими лучами лист в фигурной рамке с текстом заголовка. Слева — ангел, указывающий рукой на этот лист. Справа — богородица, которую считали покровительницей риторов (см.: *Поньрко Н. В. Богородица — покровительница риторов. — В кн.: Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979*). Текст этого списка сверен по списку ЦГИА, который содержит «Риторику» Прокоповича на 208 листах под заголовком «Риторические наставления, некогда собранные из разных авторов ординарным профессором риторики

Основной задачей статьи является исследование источников и определение эстетического направления этого классического сочинения русской литературно-теоретической мысли. В связи с этим предметом анализа будут лишь «маркированные», т. е. характерные для определенного направления элементы «Риторики». Преимущественное внимание мы уделяем предшествующей эстетической традиции. Именно к ней, а отнюдь не к последующей, ломоносовской эстетике, примыкает «Риторика» Феофана. В такой традиционалистской области, какой является эстетика, разумеется, можно обнаружить целый пласт категорий и учений, в трактовке которых Феофан не выходит за рамки эстетической теории русского классицизма. Однако в толковании «маркированных» элементов риторики Прокопович в большинстве случаев занимает противоположную позицию по отношению к этой теории.

В последнее время получает все большее признание взгляд на Феофана как на представителя русского барокко. Такая точка зрения принята и в предисловии к украинскому изданию его «Риторики».⁴ Разногласия, которые вызывает у исследователей проблема литературного направления Феофана Прокоповича, в конечном счете объясняются тем, что барокко в литературе вообще, а тем более в русской литературе так и не сложилось, не оформилось в особое направление, оставшись на уровне элементов, веяний, тенденций, хотя и весьма значительных. Если же говорить о близости Феофана к какому-то направлению, то, безусловно, о близости к барокко, а не к классицизму. Именно эту близость обнаруживает прежде всего детальный анализ источников и содержания его «Риторики».

1

«Десять книг об искусстве риторики» — риторика традиционного типа, включающая пять разделов: изобретение, расположение, украшение, произношение и память. Помимо этой классической сетки в прикладной риторике Феофана в отдельные книги выделены учения «о возбуждении страстей», «о способе писания истории и о письмах», «о судебном и совещательном родах красно-

в Киевской Академии Феофаном Прокоповичем, пыне к истинному основанию и методу вповь для нашей пользы повторенные и воспроизведенные. Михаил Тодорский. В Лето Господне 1751» (*Praecepta rhetorica a Theophane Procopowicz olim in Akademia Kijovenski ordinario professore rhetorices ex variis auctoribus collecti ad veram solidam et viam monstrantia nunc denuo ad nostram utilitatem repetenda et referenda. Michael Thodorsky. Anno Domini 1751*). На л. 205 об. запись: «Сия Риторика студента Словенногреколатинской Академии Михаила Федоровича Тодорского». На л. 2 и 204 записи на латинском и греческом языках, в которых Тодорский указывает, что приступил к переписке «Риторики» 5 сентября. а закончил ее 19 января.

⁴ *Іваньо І. В. Естетичні погляди Феофана Прокоповича. — Філософські твори, т. I, с. 75—76.*

речия», «об эпидиктическом, т. е. хвалебном роде краспоречия» и «о священном краспоречии». Прикладную риторику в сочинении Феофана по обычаю, принятому в Клево-Могилянской академии, предваряет общая риторика (кн. I).⁵

Таким образом, в целом «Риторика» Феофана содержит следующие книги:

- I. Общие наставления.
- II. Об изобретении аргументов и амплификации.
- III. О расположении.
- IV. Об украшении.
- V. О возбуждении страстей.
- VI. О способе писания историй и о письмах.
- VII. О судебном и совещательном родах краспоречия.
- VIII. Об эпидиктическом или хвалебном роде краспоречия.
- IX. О священном краспоречии.
- X. О произношении и памяти.

Отличительной чертой риторики как типа учебного сочинения является наличие строгого сценария. В общей риторике обычно помещались похвалы краспоречию, определение его, учение об основах краспоречия, о трех стилях речи и т. д. Именно так строится общая риторика Феофана Прокоповича. Феофан восхваляет Риторику, «эту королеву душ и главное из искусств, которое многие наделяют превосходством» (л. 5). Особый интерес в общей риторике Прокоповича представляет учение «О пороках ложного краспоречия» (I, 5—7). Это учение является характерной особенностью риторики нового времени⁶ и часто встречается в риториках эпохи Ренессанса и барокко.⁷

В учении «о пороках ложного краспоречия» Феофан Прокопович опирается на известную позднеренессансную риторику Никола Коссена.⁸ Такими пороками, по Феофану, являются надутый и напыщенный, подражательный, детский, неистовый, школьный, поэтический, страстный (т. е. аллегорический), пизкий и грубый, сухой, бурный, бессвязный и курьезный стили.⁹

Рассматривая эти «порочные стили» краспоречия, Феофан осуждает перегруженность речи украшениями, чрезмерную «приподнятость» или «холодность», бессмысленное подражание, слишком строгое соблюдение риторических правил, приближение

⁵ Петров Н. И. О словесных науках и литературных занятиях в Клево-Могилянской академии от начала до ее преобразования в 1819 году. — Труды Киевской духовной академии, 1868, № 3, с. 467.

⁶ Rynduch Z. Nauka o stylach w retorykach polskich XVII wieku. Gdańsk, 1967, s. 2—8.

⁷ Так, например, оно было неперменным компонентом польских риторики XVII в. (см.: Ibid., г. Katalog stylów w retorykach polskich, s. 81—115).

⁸ Nicolai Caussini De eloquentia sacra et humana libri XVI. Parisii, 1623. Известно, что на Коссена широко ориентировался и М. В. Ломоносов, однако у последнего учение «о пороках ложного краспоречия» занимает весьма скромное место.

⁹ У Коссена помимо этого рассматриваются резкий (abruptus), смешанный (miscellaneus) и медленный (lentus) стили.

речи к поэзии, слишком частое или неправильное употребление аллегорий и метафор, грубость или сниженность стиля, недостаток украшения — фигур, тропов и т. д. Выступая в разделе об аллегорическом, или страстном, стиле против перегруженности речи ораторскими цветами и украшениями (*gemmae*), Прокопович, возможно, имеет в виду киевскую риторику «*Concha... artis oratoriae gemmas continens*» (1698), автором которой, по-видимому, был Стефан Яворский.¹⁰ Многие из этих пороков — надутый, бурный и бессвязный, а также курьезный стили — Феофан приписывает польскому красноречию и главным образом известному польскому проповеднику Томашу Млодзяновскому.

Особенностью построения прикладной риторики в эпоху барокко было помещение в центре ее учений об украшении и о возбуждении страстей. Оба эти учения выделены у Феофана в отдельные книги, значительно превосходящие размером остальные книги риторики.

Учение Прокоповича «об украшении» в целом восходит к трактату Цицерона «Об ораторе». Так, Феофан полагает главными достоинствами речи, «чтобы она была на чистой латыни», ясной, украшенной и соответствовала предмету речи.¹¹ Необыкновенно подробно разработан раздел о фигурах. Прокопович рекомендует к употреблению более семидесяти фигур, которые разделены на три группы: предназначенные для изъяснения, для услаждения и для возбуждения страстей. Среди них такие сложные маньеристические формы, как гипербат, амфиболлия, перифраз, параномасия, рекапитуляция, логодэдия, асиндетон и многие другие (IV, 8—10).¹²

2

Риторика — одна из самых традиционных наук. Для риторики барокко характерна не только опора на такие непререкаемые во все времена авторитеты, как Цицерон,¹³ Квинтилиан, Аристотель

¹⁰ Так долгое время полагал Н. И. Петров, который затем отказался от этой точки зрения и стал приписывать эту риторику Иннокентию Половскому (см.: *Петров Н. И.* Киевская академия во второй половине XVIII века. Киев, 1895, с. 57). Основанием для гипотетической атрибуции «*Conchae*» Стефану Яворскому может послужить то, что, во-первых, именно в эти годы он преподавал риторику в Киево-Могилянской академии и, во-вторых, то, что те небольшие материалы из риторики, которые приведены в работах Петрова, совпадают (в том случае, если находят соответствие) с «Риторической рукой» Стефана Яворского в переводе с латинского Федора Поликарпова (ОЛДП, СПб., 1876).

¹¹ Ср.: *Цицерон.* Об ораторе, III, 97.

¹² Э. Р. Курциус называет эти фигуры в числе специфических особенностей маньеристической (в широком смысле) риторики (см.: *Curtius E. R.* *European Literature and The Latin Middle Ages.* Translated from the German by W. R. Trask. Princeton, 1967, (ch. «Rhetoric and Mannerism», p. 274—291).

¹³ Эпохой почти всеобщего цicerонизма в риторике была эпоха Ренессанса (см. об этом: *Rynduch Z.* *Nauka o stylach w retorykach polskich, r. Retoryka renessansowa*, s. 6—8). Цicerонизм в риторике был рас-

и Гораций, но также и интерес к позднеримской риторике, риторике софистов и руководствам нового времени.

В соответствии с традицией из античных образцов первостепенную роль для Феофана играют «Риторика» Аристотеля, трактаты Цицерона, «Риторические наставления» Квинтилиана, «Об искусстве поэзии» Горация. Кроме этих источников в «Риторике» Феофана используются «Риторика к Гереннию», диалоги Платона, «Прогимнасматы» Гермогена, сочинения Светония. В учении об истории Прокопович цитирует сочинение Лукиана «О написании истории» и «Римские древности» Дионисия Галикарнасского.

Можно заметить определенную ориентацию Феофана на софистическую риторiku. Он восхваляет Горгия (I, 1), часто ссылается на него, называя «ученый Горгий» (*doctus Gorgius*). В учении об упражнениях Прокопович так же, как и в «Поэтике», опирается на «Прогимнасматы» ученика знаменитого Либания софиста Афтония.

Как и «Поэтика» Феофана Прокоповича, его «Риторика» построена на широком использовании ренессансных и позднеренессансных источников:¹⁴ риторик Юния Мельхиора¹⁵ и Никола Коссена.¹⁶ Кроме того, Феофан ссылается на Эразма Роттердамского, одного из самых ярких французских маньеристов Жана Бодена,¹⁷ а также рекомендует в качестве образца таких представителей западноевропейского маньеризма и барокко, как Якоб Понтан, Фамаиано Страда, Франциск Мендоза и Киприан Суарез (I, 6).¹⁸ В качестве примеров (а здесь он проявляет

пространенным явлением в Киево-Могилянской академии во второй половине XVII в. Ср. названия некоторых риторик: *Arbor Tulliana*, *Orator e mente Tulliana*, *Penarium Tulliana eloquentiae*.

¹⁴ Ренессансный и позднеренессансный характер источников «Поэтики» Феофана Прокоповича отмечался А. А. Смирновым (см.: *Смирнов А. А. К проблеме соотношения русского предклассицизма и гуманистической теории поэзии*. Феофан Прокопович и Ю. Ц. Скалигер. — В кн.: *Проблемы теории и истории литературы*. Л., 1971, с. 68). Это поэтики Юлия Скалигера, Иеронима Види, Якоба Понгана и Фамаиано Страды.

¹⁵ Очевидно, «*Methodus eloquentiae comparandae scholis aliquot Rhetoricis tradita a Melchior Junio, Vuitebergensi Eloquentiae in Argentinensi Academia professore*» (Argentorati, 1597).

¹⁶ *Nicolai Caussin De eloquentia sacra et humana*.

¹⁷ О маньеризме Жана Бодена см.: *Кланицы Т.* Что последовало за Возрождением в истории культуры и искусства Европы. — В кн.: XVII век в мировом литературном развитии. М., 1969, с. 92.

¹⁸ В библиотеке Феофана Прокоповича были сочинения Понтана, Страды и Мендозы (см.: *Верховский П. В.* Библиотека Феофана Прокоповича. — В кн.: Учреждение Духовной Коллегии и Духовный регламент. Ростов н/Д, 1916, т. 2. Материалы. Отдел 5, № 1804, 2437, 2887, 2880). Что же касается испанского иезуита Киприана Суареза, то его сочинение (*Ciprianus Suarez. De arte rhetorica libri III*. Argentorati, 1575) использовалось как учебное руководство для учеников высшего грамматического класса в Киево-Могилянской академии (см.: *Петров Н. И.* Киевская академия во второй половине XVII века. Киев, 1898, с. 75). Об испанских риториках XVI—XVII вв. см.: *Battlori M.* Gracián y la Retorica barroca en Espana. — In: *Retorica e Barocco. Atti del II Congresso Internazionale di*

энциклопедическую образованность) Прокопович чаще других авторов приводит эпиграммы Марциала. В эстетике и литературе барокко с их культом остроумия и эпиграмматического пачала Марциал был одним из самых популярных авторов. Многие, начиная с Грасиана, считали его «отцом остроумия».¹⁹

Широко цитирует Феофан Вергилия и Овидия, которых он ставил выше других поэтов (I, 12). Прокопович справедливо полагает, что в их поэзии можно найти многие примеры краспоречия.²⁰ Из Овидия чаще всего цитируются «Метаморфозы». Как известно, тема метаморфоз — одна из популярнейших тем в литературе и искусстве барокко.²¹ С этим связан и культ «Метаморфоз» Овидия в эстетике этого направления.²²

Очевидна также тяга Прокоповича к произведениям стоиков, характерная вообще для писателей барокко. Сенека Младший — один из главных источников примеров в «Риторике» Феофана. Кроме него Прокопович неоднократно цитирует Эпиктета и теоретика нестоицизма Юста Липсия.²³ Говоря о способах следования добродетелям и избежания пороков, Феофан советует проповеднику помимо Кассиана и Иоанна Лествичника читать Сенеку, Эпиктета и других стоиков, которые, «если читать их с умеренностью, много могут принести пользы» (IX, 5 — л. 253 об.).

Из других авторов, особо популярных в литературе и эстетике барокко, Феофан цитирует Плипия-панегриста, Саллюстия, Тацита. Однако отцы церкви, отличавшиеся наибольшей маньерностью, Августин, Амвросий, Крисолог порицаются в «Риторике»

Studi Umanistici Venezia 1954 a cura di E. Castelli. Roma, 1955. И. Н. Голенищев-Кутузов указывал на необходимость соотнесения развития испанской и украинской барочной проповеди (см.: *Голенищев-Кутузов И. Н.* О литературе барокко в славянских странах. — В кн.: *Славянские литературы*. М., 1973, с. 370). Данный пример показывает, что эти соотнесения могут быть очень плодотворны. В качестве непрерываемых авторитетов Феофан Прокопович называет двух виднейших представителей испанской барочной риторики и ораторского искусства Кириана Суареза и Франциска Мендозу.

¹⁹ *Голенищев-Кутузов И. Н.* Барокко и его теоретики. — В кн.: *XVII век в мировом литературном развитии*. М., 1968, с. 135.

²⁰ См.: *Кузнецова Т. И., Стрельникова И. П.* Ораторское искусство в Древнем Риме. М., 1976, с. 5.

²¹ См. об этом: *Rousset J.* La littérature de l'âge baroque en France. Circé et la Paon. Paris, 1964.

²² См. об этом: *Bardon H.* Ovide et le baroque. — Dans: *Ovidiana*. Paris, 1958, p. 75—100. О популярности Овидия в украинской и русской литературе XVII в. см.: *Пачовський Т.* Метаморфози Овідія в українській літературі. — В кн.: *Публій Овідій Назон. До 2000-річчя з дня народження*. Львів, 1960, с. 69—79.

²³ О Юсте Липсие и нестоицизме как явлении барокко см.: *Кланицаи Т.* Что последовало за Возрождением в истории литературы и искусства Европы, с. 93—94; *Saunders J. L.* Justus Lipsius. The Philosophy of Renaissance Stoicism. New York, 1955. В библиотеке Феофана Прокоповича было «De Constantia» и другие сочинения Липсия (см.: *Верховский П. В.* Библиотека Феофана Прокоповича, № 1004, 1804, 2625—2630, 2960).

(I, 12). Это связано с тем, что к гомилетике Прокопович вообще предъявлял более строгие требования, чем к светскому красноречию.²⁴ Например, он значительно ограничивает употребление шуток и острот в священном красноречии (IX, 2), тогда как в светском красноречии считает их совершенно необходимыми (V, 6—7). Протесты Прокоповича против Млодзяновского именно потому так резки, что он в проповеди позволял себе то, что допустимо лишь в светском красноречии.²⁵

3

Источники и эстетическое направление «Риторики» Феофана Прокоповича обнаруживают близость этого сочинения к эстетике умеренного барокко (*barocco moderato*). Именно это направление господствовало в итальянской литературе в период обучения Прокоповича в Риме, в Коллеже Святого Афанасия.²⁶ Оно было органично и для так называемого ренессансного русского барокко²⁷ XVII—первой четверти XVIII в. Умеренность была, например, отличительной чертой поэзии русского барокко.²⁸

Представители умеренного барокко на западе выступали против чрезмерной украшенности и «формализованности» произведений своих современников (например, Д. Бартоли критиковал «замысловатый стиль»,²⁹ С. Паллавичини напоминал о границах пристойного³⁰). Теоретики умеренного барокко обратились к наследию Возрождения и маньеризма. Опираясь на авторитет ренессансной и позднеренессансной теории искусства, умеренное барокко вело глубокую и всестороннюю критику барокко темного (*barocco esagerato*).

Аналогичный характер носит критика Феофаном Прокоповичем современного ему польского красноречия. Именно на него обращен преимущественно отрицательный пафос «Риторики». Как правило, примеры из польской литературы, за исключением отрывков из проповедей Томаша Млодзяновского, безымянны. Любопытно, что «Поэтика» и «Риторика» Феофана вообще сравнительно скупо знакомят читателя с польской поэзией и красноречием.

²⁴ Еще Ю. Ф. Самарин отмечал существенные различия между ораторской и проповеднической практикой Феофана Прокоповича (см.: *Самарин Ю. Ф.* Стефан Яворский и Феофан Прокопович. СПб., 1880, с. 41).

²⁵ Это отметил А. М. Панченко (см.: *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973, с. 240—241).

²⁶ Об эстетике умеренного барокко см.: *Голенищев-Кутузов И. И.* Барокко и его теоретики, с. 147—153.

²⁷ *Лихачев Д. С.* XVII век в русской литературе. — В кн.: XVII век в мировом литературном развитии, с. 324.

²⁸ См. об этом: *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII века, с. 199—208.

²⁹ *Голенищев-Кутузов И. И.* Барокко и его теоретики, с. 151.

³⁰ Там же.

Обыкновенно в киевских поэтиках и риториках XVII—XVIII вв. самым широким образом цитировались произведения С. Твардовского, М. Сарбевского, С. Невеского, В. Коховского, А. Инеса, Я. Квяткевича, Я. Жабчица, Я. Кохановского (не только «Фрашки», но и «Псалмы», «Песни», «Сватовство»³¹). В сочинениях Прокоповича в этом смысле экзemplяционный фонд гораздо более скромнен. По нескольку раз и с одобрением в них цитируются лишь известные поэты польского Возрождения Ян Кохановский и его племянник, автор перевода на польский язык поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим» Петр Кохановский.

В «Поэтике» приводятся некоторые эпиграммы из сборника А. Инеса,³² как пример непрстойного цитируется поэма Е. Канона «О копях бохнийских»,³³ как темный и непопулярный характеризуется отрывок из панегирика Яна Квяткевича.³⁴

Р. Лужный верно заметил, что Феофан Прокопович сосредоточил свою критику на творчестве «мешее видных представителей латинско-польской иезуитской поэзии».³⁵ То же самое можно сказать и о его полемике с польским красноречием. Ведь Млодзяповский, несмотря на широкую популярность его в течение некоторого времени, был незначительным польским писателем. Прокопович обходит вниманием крупных польских поэтов и ораторов XVII в., а если все же затрагивает кого-нибудь из них, как, например, Квяткевича, то порицает и не иначе, как в завуалированной форме.

Все это, по-видимому, связано со стремлением Феофана скомпрометировать в глазах читателей и слушателей польскую литературу в целом. Это стремление Прокоповича, помимо искреннего возмущения крайностями польского барокко, по-видимому, питалось также эстетическим патриотизмом: «Весьма ложное овладело нами мнение: мы нелепейшим образом полагаем, что если не пойдем в польские гимназии, то есть в фабрики испорченного красноречия, то будто бы не сможем приобрести науки ораторской» (I, 7 — л. 34 об.).

Критика Феофаном Прокоповичем красноречия Томаша Млодзяповского и современного Феофану польского красноречия — это критика крайностей темного барокко с позиций барокко умеренного. Именно как темное и отвлеченное воспринимает Прокопович ораторское искусство Млодзяповского. Говоря об этих пороках позднее в «Пролегоменах», он писал: «Множество дряни такого рода ты найдешь во многих сборниках проповедей: у Кар-

³¹ *Luźny R. Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskioj a literatura polska. Kraków, 1966, s. 28—51, 76—108.*

³² Сам Прокопович приписывал их Я. Кохановскому (см. об этом: *Ibid.*, s. 69—71).

³³ *Феофан Прокопович. О поэтическом искусстве, с. 425—426.*

³⁴ Источник отрывка установил Р. Лужный. См.: *Лужный Р. «Поэтика» Феофана Прокоповича и теория поэзии в Киево-Могилянскоj академии (первая половина XVIII в.). — В кн.: XVIII век: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М.; Л., 1966, сб. 7, с. 50.*

³⁵ Там же.

тагены, Дидея Писского и других, особенно же у главы всех крючков, у привилегированного продавца всяких нелепостей, у польского иезуита Млодзяновского).³⁶

Традицию полемики подобного рода Феофан, очевидно, воспринял в Италии. Так, его критика «курьезного» стиля красноречия (I, 6) чрезвычайно напоминает потоки насмешек Д. Бартоли³⁷ над «замысловатым» стилем. Подобно теоретикам умеренного барокко, Феофан Прокопович критикует Млодзяновского со стороны содержания. Не случайно он называет польского казнодея «кропателем пустословия» (I, 6).³⁸ «Не пайдешь в них смысла и значения»,³⁹ — замечает Прокопович о его проповедях.

Для Феофана аллюзии Млодзяновского, основанные обычно на случайном сходстве, не связанные со значением слова, с содержанием высказывания, смешны и чужды. Так, например, Млодзяновский объясняет то, что рыбы, по библейскому преданию, не погибли во время всемирного потопа, тем обстоятельством, что в названии моря «шаге» заключено имя богородицы (Nom. plur. от mare — maria). По этому поводу Прокопович замечает: «Неужели, любезный отче, тебе кажется удивительным, что рыбы не погибают в воде... О, остроумие, не лучше глупости рыб!» (л. 28 об.).

«Риторика» Феофана была написана вскоре после возвращения Прокоповича из Италии, поэтому ожесточенная полемика умеренного барокко против барокко темного была свежа в его памяти. По образцу этой полемики, по-видимому, строит Феофан и свою критику польского красноречия.

Прокопович осуждает Млодзяновского за неумеренность. Требование меры, вообще очень характерное для умеренного барокко — одно из основных эстетических требований в «Риторике» Феофана. Именно мера, согласно его представлениям, должна осуществлять равновесие между ясностью и украшенностью, краткостью и разнообразием, пристойностью и остроумием. Как те, так и другие качества, по мнению Прокоповича, одинаково необходимы литературному произведению.

Что касается «Поэтики» Феофана Прокоповича, то история ее интерпретации показательна тем, что в зависимости от того, на каких из этих эстетических идеалов делался акцент, решалась, как правило, проблема литературного направления Феофана.⁴⁰ По мнению некоторых исследователей, требования ясности, декорума, разделение высокого и низкого в поэзии и красноречии указывают на принадлежность к классицизму. Однако эти идеалы вовсе не были исключительной принадлежностью

³⁶ Цитирую в переводе с латинского Ю. Ф. Самарина по кн.: *Самарин Ю. Ф. Стефан Яворский и Феофан Прокопович*, с. 395.

³⁷ См.: *Голенищев-Кутузов И. Н. Барокко и его теоретики*, с. 151—152.

³⁸ *Петров Н. И. О словесных науках*, с. 627—637.

³⁹ Там же, с. 633.

⁴⁰ См., например, работы Дм. Чижевского. В. Д. Кузьминой и О. А. Державиной в журнале «*Ceskoslovenska rusistica*», 1968, г. XIII, с. 1.

классицизма, но играли также существенную роль в литературе и эстетике Возрождения и барокко.⁴¹ Не из эстетики классицизма, а именно из ренессансной и позднеренессансной теории искусства они попали в «Поэтику» и «Риторику» Феофана Прокоповича. Поэтому «признаки формирующегося классицизма»⁴² у Феофана, на мой взгляд, можно видеть лишь ретроспективно. Но поскольку классицизм был своеобразным возвратом к Ренессансу, то, быть может, именно эта по существу ренессансная основа русской литературы и эстетики Петровской эпохи предопределила быстрое и успешное развитие классицизма в 30-е гг. XVIII в.

4

«Риторика» Феофана Прокоповича, несомненно, близка эстетике барокко. Непременным компонентом барочных поэтик и риторик было учение об остроумии. В русскую литературу оно, по-видимому, попало через посредство Польши. В польских коллегиях XVII в. это учение обычно излагали по Сарбевскому.⁴³ Так, Симеон Полоцкий, будучи студентом виленской коллегии, записал курс лекций одного из последователей Сарбевского под названием *Modus inveniendi argutiarum* (Наука изобретения остроумия).⁴⁴

Феофан с учением об остроумии мог ознакомиться не только в Польше и на Украине, но и в Италии. Одним из источников его в «Поэтике» и «Риторике», по-видимому, было сочинение известного неолатинского теоретика искусства Якоба Массена «Новое искусство остроумия», бывшее в библиотеке Феофана.⁴⁵

В соответствии с традицией в «Поэтике» Прокоповича учение об остроумии помещается в разделе об эпиграмме, в «Риторике» — в разделе об эпидиктическом роде красноречия. Феофан называет и приводит примеры всех наиболее существенных способов изобретения остроумия, какие только были в теории концептизма: «изящная аллегория и метафора, сравнение большего с меньшим или меньшего с большим, или же когда утверждается, что неравно равное равному, когда утверждается, что часть равна или больше целого, игра словами с помощью параномасии, от двусмысленности слов, от противоположного, аллюзия».⁴⁶

⁴¹ Ср., например, три свойства «витийства или красноречия» в «Риторической руке» Стефана Яворского: «1. Да будет равно, сиречь ясно и удобно к познанию. 2. Да будет ключимо, сиречь прилично к вещам, к лицам и к месту. 3. Да будет украшено, сиречь лепотою сложения, или сочинения, и красотою изобилующе» (с. 29—30).

⁴² Кузьмина В. Д. Барокко и классицизм в русской литературе первой трети XVIII века. — *Československa rusistica*, 1968, т. XIII, ч. 1, с. 13.

⁴³ *Sarbiewski M. K. De acuto et arguto, sive Seneca et Martialis.* — *Wykłady poetyki (Praecepta poetica)*. Wrocław; Kraków, 1958.

⁴⁴ См. об этом: *Łuźny R. Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska*, s. 18.

⁴⁵ *Jacobi Masseni Ars nova argutiarum.* (См.: *Верховский П. В.* Библиотека Феофана Прокоповича, № 2952).

⁴⁶ См.: *Феофан Прокопович. О поэтическом искусстве*, с. 325—326. Эти же способы предлагаются и в «Риторике». Ср.: *Бальгазар Грасиан.*

Интересно, что в «Поэтике» и «Риторике» Феофана Прокоповича есть и понятие концепта. Говоря в учении об остроумии о неожиданном, Прокопович замечает, что это «и иначе, через анаюомасию, называется концептом, вследствие преимущества мышления этого рода, то есть концептивного мышления».⁴⁷

Одним из существенных принципов барочных риторик является принцип разнообразия, варьирования.⁴⁸ По мнению Грациана, именно разнообразие лежит в основе красоты.⁴⁹ Существенное место занимает идеал разнообразия и в эстетической системе Феофана Прокоповича. В четвертой главе общей риторики «Что образует наилучшего оратора» Феофан утверждает: «Первый признак наилучшего оратора — это то, что не какое-нибудь из этих, но все достоинства в себе совмещает: мягок в объяснении, высок в поучении, остр в услаждении, стремителен и обилен в возбуждении» (л. 19). По мнению Прокоповича, особенно следует стремиться к тому, чтобы удерживать внимание и волновать самых разных людей: «ученых и невежественных, значительных и ничтожных, горожан и деревенских» (л. 20).

Феофан рекомендует разнообразить предметы проповедей «и брать доказательства то радостные, то печальные, то полные страха и опасность, то также кроткие».⁵⁰ Вопросу о том, как добиться разнообразия в речи, посвящены некоторые специальные разделы «Риторики» Прокоповича, например «Наука разнообразия в расположении ритмической речи» (IV, 6 — л. 129—130). Необходимость разнообразия в красноречии Феофан подчеркивает на протяжении всего курса «Риторики».

Писатели барокко стремились найти что-то сходное в несходных вещах. Вследствие этого в эстетике барокко особое значение приобретают принципы тождества и различия, категории сходного и несходного, противоположного и несовместимого, сравнение, аллегория, метафора и другие фигуры, с помощью которых достигается уподобление различных вещей и явлений. В «Риторике» Феофана Прокоповича в качестве внутренних мест изобретения наряду с другими рекомендуются такие, как сопряженное, противоположное, подобие и несходство, несовместимое (II, 2). Именно принцип сближения несходных вещей и явлений лежит в основе тех приемов изобретения острот, которые приводит Феофан: «...сравнение большего с меньшим или меньшего с большим, когда утверждается, что перавно равное равному, когда утвер-

Остроумие, или искусство изощренного ума. — В кн.: Испанская эстетика. Ренессанс. Барокко. Просвещение. М., 1977.

⁴⁷ Феофан Прокопович. О поэтическом искусстве, с. 326. — Перевод мой. В переводе этого места Г. А. Стратановским утрачено терминологическое значение слова *conceptus*.

⁴⁸ Например, в польских риториках XVII в. часто встречается раздел *Variatio styli*. См.: *Ryndych Z. Nauka o stylach w retorykach polskich*, s. 74.

⁴⁹ Штейн А. Л. Четыре века испанской эстетики. — В кн.: Испанская эстетика. Ренессанс. Барокко. Просвещение, с. 42.

⁵⁰ Петров Н. И. Из истории гомилетики в старой Киевской академии. с. 118.

ждается, что часть равна или больше целого»⁵¹ и т. п. Созвучие слов, частей слова, отдельных звуков и частей фразы, игра значениями, аллюзия, каламбур — вот по какому принципу строится большинство фигур, разбираемых в «Риторике», таких, как паронимасия, плеоназм, оксюморон, амфиболия, антифразис, апофазия, эпифора, анафора, палиндром и др.

Через весь курс «Риторики» Феофана Прокоповича проходит аллегория ученик-путник. Эта аллегория была распространена в школьной практике XVII в.⁵² и соответствовала барочному представлению о жизни человека как путешествии.⁵³

Для риторики барокко характерно также ощущение слиянности и единосущности искусств. В соответствии с этой тенденцией Прокопович в своей «Риторике» сопоставляет речь со «звуком музыкального инструмента» (I, 1 — л. 8 об.). Он утверждает родство поэта и художника,⁵⁴ часто сопоставляет ораторское искусство, поэзию и живопись. Феофан повторяет восходящий к позднеантичной эстетике (Симониду) афоризм Дж. Марино: «Поэзия — это говорящая живопись, живопись — это говорящая поэзия».⁵⁵

Нет никаких оснований и для того, чтобы связывать с классицизмом учение Феофана Прокоповича о подражании. Эволюция этого учения в европейской эстетике представляется иногда упрощенно. Специфически ренессансным считается учение о подражании природе, которое с переходом к классицизму якобы вытесняется учением о подражании образам.⁵⁶ Цитируя «Поэтику» Феофана Прокоповича, А. Ф. Лосев, например, комментирует соответствующее место следующим образом: «Прокопович развивает одно из самых центральных положений эстетики классицизма — о подражании древним образам».⁵⁷ Исследователь не замечает, что рядом с этим у Феофана имеется и другое понимание подражания — как вымысла или подражания природе⁵⁸ и что как та, так и другая трактовка этой категории свойственны эстетике Возрождения.⁵⁹ При этом в ренессансных поэтиках, как правило, помещались учения об обоих видах подражания, в риториках же эпохи Возрождения и барокко речь шла лишь о подражании образам.

⁵¹ Феофан Прокопович. О поэтическом искусстве, с. 325—326.

⁵² См., например: *Rynduch Z. Nauka o stylach*, s. 85.

⁵³ Панченко А. М. Два этапа русского барокко. — ТОДРЛ, Л., 1978, т. XXXI, с. 100.

⁵⁴ Феофан Прокопович. О поэтическом искусстве, с. 405.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ См.: Лосев А. Ф., Шестаков В. П. История эстетических категорий. М., 1965, с. 204—237.

⁵⁷ Там же, с. 233.

⁵⁸ Феофан Прокопович. О поэтическом искусстве, кн. II, гл. 5, с. 402—407.

⁵⁹ На соединение в эпоху Ренессанса принципов подражания природе и образам указывал, например, А. А. Смирнов (см.: Смирнов А. А. Проблема вымысла и подражания в поэтике русского классицизма — Филол. науки, 1967, № 6, с. 73).

Сочинение Феофана Прокоповича «Десять книг об искусстве риторики», по-видимому, создавалось автором как риторика энциклопедического типа. Оно является настоящим сводом всех риторических законов и правил, знакомит со многими другими риториками — как древними, так и новыми — и представляет собой настоящую энциклопедию риторических примеров. В этом отношении «Риторика» Феофана уникальна для всей русской культуры и может быть сопоставлена лишь с западноевропейскими ренессансными риториками, например с сочинением Никола Коссена «XVI книг о духовном и светском красноречии».⁶⁰

«Риторика» Прокоповича — это не просто риторика, написанная на латинском языке, но это латинская риторика, т. е. речь в ней идет о законах красноречия применительно к латинскому языку, который в Петровскую эпоху занимал одно из главных мест в системе барочного полилингвизма.

Сочинение Феофана пользовалось большой популярностью. Свидетельством этого являются семь сохранившихся списков его. Различное происхождение и время создания этих списков может послужить доказательством широкой известности и продолжительной популярности наставления Прокоповича. По-видимому, оно имело самое широкое применение в преподавательской практике. Списки «Риторики» Феофана Прокоповича были в Черниговской, Новгородской и Вологодской духовных семинариях, в Московской славяно-греко-латинской академии. Известен перевод, сокращение и переделка «Риторики» Прокоповича, бытовавший в среде выголексинских старообрядцев.⁶¹

«Поэтика» и «Риторика» Феофана Прокоповича во многом определили дальнейшее развитие русской литературно-теоретической мысли. По мнению историка Киево-Могилянской академии, «год, в который Прокопович приступил к своим лекциям в Академии (1705), стал началом нового периода, продолжавшегося до половины столетия».⁶² Почти все наставления по поэтике и риторике, составленные в это время, были основаны на трудах Феофана.⁶³

На эстетических идеях Феофана, почерпнутых непосредственно из его сочинений или из лекций его многочисленных последователей и учеников, воспитывалось большинство деятелей русской культуры первой половины XVIII в. Так, например, Ло-

⁶⁰ Nicolai Caussini De eloquentia sacra et humana libri XVI.

⁶¹ См. о нем в диссертации Н. В. Поньрко «Выговская литературная школа в первой половине XVIII столетия» (Л., 1979).

⁶² Петров Н. И. О словесных науках и литературных запятых в Киево-Могилянской академии, с. 311—312.

⁶³ См. об этом: Лужный Р. «Поэтика» Феофана Прокоповича и теория поэзии в Киево-Могилянской академии (первая половина XVIII века), с. 47—55; Петров Н. И. О словесных науках и литературных занятиях в Киево-Могилянской академии; Lewin P. Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722—1774) a tradycje polskie. Wrocław, 1972.

моносов, по-видимому, был знаком с «Поэтикой» Прокоповича,⁶⁴ а будучи студентом Московской славяно-греко-латинской академии, слушал и записал курс лекций по риторике его ученика Порфирия Крайского.⁶⁵

С уменьшением роли латинского языка, с появлением «Риторики» Ломоносова, которая в отличие от «Риторики» Феофана была печатной и русской, с развитием классицизма в русской литературе «Десять книг об искусстве риторики» постепенно теряют свое былое значение и популярность. Классицисты высоко оценивали красноречие Прокоповича и во многом считали себя его литературными последователями.⁶⁶ Однако наставления Феофана не могли иметь для них своего прежнего значения: в сочинениях самого Прокоповича классицисты находили серьезные погрешности в чистоте стиля. «Риторику» Феофана все еще продолжают переписывать, но значение ее теперь в основном сводится к школьному употреблению.

⁶⁴ См.: *Моисеева Г. Н.* М. В. Ломоносов на Украине. — В кн.: Русская литература XVIII века и славянские литературы. М.; Л., 1963, с. 96—97.

⁶⁵ Сохранилась запись этого курса, часть которой сделана рукой Ломоносова. Изложение «Риторики» Порфирия Крайского см. в кн.: *Воскресенский Г. А.* Ломоносов и Московская славяно-греко-латинская академия. М., 1891, с. 37—53.

⁶⁶ См. об этом: *Кочеткова П. Д.* Ораторская проза Феофана Прокоповича и пути формирования русского классицизма. — В кн.: XVIII век: Проблемы развития русской литературы в России первой трети XVIII века. Л., 1974, сб. 9.